

Юрий ЛОЗА:

«Я — ЧИСТЫЙ»

Собеседник, 1994, № 26, с. 10

Могучий «Титаник» нашей жизни продолжает свое плавание, и за кормой скрываются в утреннем тумане и годы, и города, и люди, и их песни. И у каждого из нас есть свое прошлое, которое иногда не согласуется с настоящей историей — вот, например, для нас этот человек — чуть не символ прежней эпохи, а на самом-то деле он до сих пор не только жив-здоров, но и работает.

Плохо иметь прошлое — постоянно путаешься в настоящем.

Приблизительно с таким чувством я ехал на встречу с Юрием Лозой. Подумать только, уже прошло целых одиннадцать лет с тех пор, как его первый магнитофонный альбом выбросил споры в воздух отечества и размножился чуть не по всем квартирам, школам и дворам! То, что после происходило с Юрием на эстраде, можно смело называть: в десятилетие по чайной ложке — и вдруг он выпускает (или собирается выпустить) аж три CD-альбома, среди которых и те, давние, легендарные.

Рано жить за счет архивов!

Юра: Сейчас вышел первый компакт, и называется он «Для Души» — в нем собраны лирические песни, начиная с «Плота» и кончая «Пой, Моя Гитара». Второй альбом планировался под названием «Для Ума», и я хотел выпустить его во второй половине года, и туда должны были войти песни философские. И наконец, к концу года мы планировали альбом под названием «Запрещенные Песни», куда должны были войти самые первые мои два альбома, но заново переигранные и спетые, потому что то качество, с которым они записаны, меня совершенно не устраивает. Но от издателей пошел большой поток пожеланий издать архив. И это понятно — вот, например, издали архив группы «Воскресенье», и тираж раскупили. А на тех моих песнях тоже выросло целое поколение, и издатели считают, что лучше выпустить их прямо в том виде.

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ. Издатели мудры, хотя, может быть, и не по-

нимают до конца, отчего это люди с большей охотой покупают записи групп нашего прошлого, а не модных исполнителей. Может быть, все дело в том, какое настроение преобладает в песнях музыкантов? Современные уж больно хотят веселиться не переставая, танцевать и заниматься любовью где попало, в то время как песни ТЕХ времен отражают душевные переживания маленького человека, старающегося вырваться из нежного удильца Правил Жизни.

Юра: Я долго отбрыкивался, потому что мне не хочется тиражировать давние записи, но — сломали деньги.

Как создаются песни?

Юра: Ну, давайте возьмем серийную песню, из тех, которые не хуже и не лучше остальных — у меня все песни сделаны добротно, качественно. Если есть хорошая идея, то она будет воплощена. Мне скучно просто писать песню или просто писать стихи — я думаю о том, как все это будет выглядеть в целом: будет это альбом или сборник стихов, я удовлетворен, только когда работа закончена в целом. Материал — жизнь.

У меня нет никакой раскрутки, нет эфиров, потому что сейчас практически нет бесплатных эфиров, тем не менее меня приглашают, у меня есть возможность зарабатывать своим трудом деньги, я избавлен от необходимости заниматься торговлей, и главное — я могу работать, работать как можно больше, чтобы наполнить свою жизнь смыслом: сделал что-то хорошее, сказал что-то хорошее — уже лучше. У меня растет сын, и мне хочется, чтобы после меня мир стал на капельку лучше. Я строю дом, ращу сына и посадил уже не одно дерево — в общем, делаю все, что должен делать мужчина.

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ. Вот это очень важный момент, хотя его трудно рассмотреть в общем контексте. Мы как-то забываем, что музыканты —

тоже люди, и вспоминаем об этом только тогда, когда они делают гадость какую-нибудь. Тогда мы и говорим снисходительно: «Артисты тоже люди, им и отдохнуть хочется». Не потому ли и расплодилось столько не-людей на сцене, живущих по каким-то страшным правилам, которые и нам навязываются мифическим столбазым существом по имени «телевидение»? Немудрено, что начинает порой казаться, будто люди вырождаются, что они перестали заниматься тем, что поддерживает их собственную жизнь — работать, растить и кормить семью, думать, сомневаться. И этот мужской лозунг «воспитывать ребенка, построить дом и вырастить дерево» постепенно трансформируется в другой: «купить дом, купить дерево и купить ребенка...»

Юра: Без работы очень тяжело — я ведь труженик по натуре, и если мне выдается длительный период безделья, то я то-сую.

Я никогда не был самым популярным, всегда были люди, которые популярнее меня, но они периодически взлетают, периодически падают, и вот эта борьба за олимп, за первое место, толкание локтями отнимают слишком много творческих сил. Я не хочу, чтобы у меня отнимала силы борьба за достижение олимпа. Я сижу на откидном стульчике в хит-параде уже на протяжении восьми или десяти лет и никого не трогаю, занимая свою экологическую нишу, только мне присущую, я ни на кого не похож, меня не с кем сравнивать, и на меня не сделана ни одна пародия, потому что пародировать нечего — меня это радует — трудно найти дурновкусие в том, что я делаю.

Флобер писал по восемь часов в день. Я пишу тогда, когда мне это хочется. Иногда, правда, подгоняют контрактные обязательства, но это уже черновая работа. Ею я могу заниматься когда угодно и где угодно, но сам процесс создания идеи совершенно непредсказуем.

Для кого сочиняются песни?

Юра: Специально я ни для кого ничего не пишу. Я иногда занимаюсь продюсированием записи.

Сейчас у меня несколько людей забирают песни, которые были написаны очень давно, во время пробы сил, когда я еще сотрудничал с разными поэтами — с Лешей Дидуровым и другими. И эти песни лежали мертвым грузом, потому что я их никогда не буду петь, так как не я автор текста. Мое ремесло не позволяет петь песни на чужие стихи. Мне верят, потому что все, что я говорю, что я пою, я сделал сам, это все идет изнутри меня, и это более достоверно, чем то, что делают сейчас многие. Никогда не смогу поверить человеку, который поет чужой текст, пусть он даже занимался у хорошего педагога по вокалу и поражает всех своим голосом. Я понимаю, что есть профессиональная, хорошо сделанная музыка, но когда исполнитель поет, то он больше думает о том, как он будет смотреться, как он споет, а не о самой песне, и потому песня получается недостаточно.

Например, композитор приглашает поэта для совместного творчества, и между ними всегда возникает творческий конфликт, потому что каждый из них тянет одеяло на себя и считает свое творчество более главным. Не бывает равноправного творчества между двумя мужиками — они могут дружить, но дух соревнования всегда присутствует. Поэтому один, в угоду другому, идет на какие-то уступки. Я это вижу здесь, у себя в студии, когда сидят композитор, поэт, аранжировщик и певец и они пытаются собрать какое-то лоскутное одеяло — вот и получается, что песня, как правило, это набор звуков, набор слов, набор рулад, набор вокализов, и вместе это никак не может быть цельным, органическим.

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ. Мне говорят: не нравится — не слушай. Но для этого нужно удалиться в пустыню и питаться там акридами и диким медом. Потому что ныне шоу-бизнес — как тараканы, которые есть везде и никакими средствами — ДДТ или еще чем-нибудь — их не вытравишь.

Юра: Если мои песни крутить так же, с такой же интенсивностью, как песни многих наших исполнителей, то думаю, что успех у них будет гораздо больше — потому что они более цельные и более цепляющие. Но нельзя сейчас заниматься раскруткой без денег. Если раньше был какой-то интерес у публики, были режиссеры, которые делали передачи и стремились к популярности или боролись с системой, то у меня была возможность выходить в эфир только потому, что я подходил под эту общую борьбу. Сейчас никто такой борьбы не ведет, и единственная борьба — это борьба за выживание, чтобы заработать, пока еще возможно, как можно больше денег.

Чтобы снять клип сейчас, нужно около двадцати тысяч долларов, меньше никто не берет. Где их взять? Вытащить из кармана? Мне их страшно жалко.

Второй путь — найти какого-нибудь сумас-

шедшего мецената, который будет вкладывать свои деньги. Я смотрю — сейчас с большим апломбом высказывают молодые артисты, совершенно профнепригодные, ничего из себя не представляющие, но за ними стоят какие-то большие финансовые структуры, которым задурили мозги, и они или отмыкают свои деньги, или просто так, от вольного швыряют их куда попало — берут девочку, вбухивают в нее сто тысяч долларов, и получается известная артистка. Это не значит, что она потом будет популярна, это значит, что она будет популярна до тех пор, пока финансовая структура вкладывает в нее деньги.

Я продолжаю жить только потому, что мои песни до сих пор слушают — они обречены на долгую жизнь, и мне это нравится. Если я выхожу на сцену и исполняю песню, которая была написана пятнадцать лет назад и она воспринимается так, как будто была написана только вчера, я радуюсь.

Я считаю, что Никита Богословский, написавший «Темную ночь», сделал раз в десять больше, чем многие современные композиторы за всю свою жизнь — он за последующие годы не написал ничего лучше, потому что пропало все то, что тогда шло изнутри. А все лучшие песни писались только искренне.

Музыкальные корни

Юра: То, что я делаю — это, безусловно, синтез. Дело в том, что по паспорту я — русский, хотя в крови намешано столько коктейлей, что когда я пытаюсь докопаться, то ничего не понял. Родившись в Свердловске, я всю свою юность, пятнадцать лет, прожил в Алма-Ате, а там уже другая культура, Восток. А «заболев» англоязычной музыкой, битломанией, я перестал слушать нашу музыку, мною овладело реверсивное сознание молодежи: все, что было до меня, — все плохо. Эту англоязычную музыку я слушал с утра до вечера, не отходя от магнитофона, и она перелестнула все мои корни — от них ничего не осталось — все мои песни были похожи на песни «Битлз» — может быть, не по качеству, но по настроению. Но потом потихонечку, когда пришла какая-то мудрость, корни снова начали прорастать. От этого синтеза и получается такой непонятный стиль, который крайне интересен на Западе, где сильный музыкальный голод на оригинальную музыку. Большинство наших композиторов делают ставку, например, на то, чтобы песня сразу пошла в кабаки, и делают цыганяцкую на трех аккордах. Или — ищем человека, который знает сорок восемь английских слов, он нам пишет английский текст, и мы будем корявым языком, как Кола-Бельды по-русски, петь по-английски что-то типа «Йестердау...» И когда это поют здесь, в студии, я хохочу. Это жалкие попытки кроить музыку по стандартам хитов. Но хит и действительно популярная песня — абсолютно разные вещи, независимы от того, в каком стиле, на каких корнях они сделаны.

Вся жизнь — борьба?

Юра: Я никогда не ставил целью — бороться, так уж вышло, что два первых моих альбома были очень скандальными — и «Путешествие в Рок-н-ролл» и «Концерт для друзей», которые на самом деле ничего политического в себе не несли, это были просто зарисовки нашей жизни. И после передачи обо мне Севы Новгородцева по Би-Би-Си я сразу попал в ряды каких-то диссидентов, мне запрещали выступать, и самое гнусное в моей жизни было то, что собственные песни приходилось подписывать чужими фамилиями для того, чтобы их можно было спеть. Я даже «Плот» не мог исполнять, потому что он считался запрещенной песней! Песня «Мать пишет», которая потом стала символом «афганцев», была запрещена Московской областной филармонией, потому что последние слова «Дождусь ли я тебя, сынок?» не выражали светлого оптимизма мамы. И я был один из первых в списке запрещенных. Хотя на самом деле я ничего такого уж не делал, что порочило бы нашу жизнь. Некоторые зарисовки, вроде «У магазина», были даже приукрашены и ничего общего не имели с той чернухой, которая потом переклестнула через край, когда открыли все шлюзы. Это же бред полный, когда в Москве запросто идут порноспектакли, повсюду грязь, которую просто нельзя показывать. У меня все песни, даже самые минорные, все они светлые, они не зовут ни к насилию, ни к грязи. Я — чистый человек и стараюсь жить правильно. Я венчан в церкви, соблюдаю посты, стараюсь не ругаться матом, чтобы не загрязнять атмосферу, стараюсь не думать плохо и никому не делаю зла.

Подготовил Андрей ДОБРОВ.

На снимке: еще недавно Юрий со своей семьей жил вот в таких условиях. Сейчас, к счастью, живет по-другому. Но все его самые лучшие песни написаны в таком коммунально-совковом «раю». А песни-то действительно светлые...

Фотограф Валерий ПЛОТНИКОВ.

94

Юрий Лоза

1993

